

Я открыл себя всего три года назад

В Оренбургском областном краеведческом музее открылась выставка "Кибальчицы: отец и сын".

Экспонаты были предоставлены благотворительным фондом "Евразия" из-за океана. Подарок своей далекой родине сделал известный мексиканский художник Владимир Кибальчиц (Влади), проведший несколько детских лет в оренбургской ссылке вместе с отцом — писателем и революционером Виктором Сержем. Среди нескольких сот экспонатов — первые (прижизненные) издания трудов В. Сержа и его переводы работ Льва Троцкого на французский язык, печатная машинка Троцкого, которой опальный революционер пользовался в своем последнем мексиканском пристанище в Койокане, оренбургские зарисовки 1934 — 1936 годов, переписка художника с Давидом Сикейросом, Эрнстом Неизвестным, Жоресом Медведевым, Франсуа Миттераном и другими известными людьми. Кроме того, художник передал в Оренбург более 20 офортов. В продолжение цикла интервью с русскими художниками, работающими за рубежом, мы встретились с Владимиром КИБАЛЬЧИЧЕМ в просторном доме маэстро в двух с половиной часах езды от Мехико.

— Владимир Викторович, как вы охарактеризуете стиль, в котором работаете?

— Я открыл себя недавно: всего два или три года назад. Потому что обычно работаю, не задумываясь ни о чем из этих глупостей. Но в последнее время приезжают много людей: философы, историки. И теперь я вынужден думать о Владе. Это очень неприятно. Видеть себя в зеркале, говорить о себе в третьем лице — я к этому не подготовлен. Но вопрос задается не в первый раз, и мне приходится отвечать, что мои работы — это отражение моего внутреннего мира. Но у кого это не так? Я читал стихи одного португальского поэта, читал его дневник. Он мелкий чеховский человек, но гениальный художник, творец. Так вот он писал под пятью-шестью псевдонимами. Причем как совершенно разные поэты, как пять ни в чем не похожих друг на друга авторов. Недавно я вдруг понял, что и у меня получается что-то подобное.

— Вы можете проиллюстрировать эту разницу?

— Вот посмотрите, такие картины я рисовал и продавал в большом количестве. Они написаны в прямых красках: зеленой, черной, красной, то есть, накладываешь цвет один раз и оставляешь так. Теперь я пишу в том стиле, который позволяет мне венецианская техника. И так я делаю 10 — 12 работ в одном духе, одним стилем. Потом вдруг это кончается. Я забываю их и делаю совершенно другие картины.

— Как вам пришла в голову мысль заняться стенной росписью, создать эти знаменитые 2000 квадратных метров в библиотеке Лердо де Техада?

— Уже через шесть месяцев после того, как я оказался в Мексике, бывший Посол Мексики в Советском Союзе господин де Негри решил найти мне заказчика, чтобы выполнить стенные работы. В то время я был в восторге от Диего Риверы, Ороско и, конечно же, хотел попробовать. Наверное, это было сумасшествие, но я сразу же взялся за предложенные мне 100 метров. Уже на второй день изборозил там Сталина. Я делал фреску темпераментно, не думая. Фисал свое детство, нашу историю.

— Где сейчас находится эта работа?

— Ее нет. Против нее восстали сталинисты. Тогдашнему вновь избранному президенту Мексики стали писать, грозить, что взорвут здание, уничтожат меня. В конце концов, работу затерли. Теперь я даже рад этому. Слишком по-детски она была сделана.

— А зал библиотеки... Кто предложил вам это место?

— Дело было так. На одном очень престижном конкурсе стенной росписи зашла речь о том, что монументализм — национальная гордость мексиканской живописи, что традицию надо поддерживать, что нужны продолжатели великих мексиканских мастеров. Президенту была названа моя фамилия. Мне предложили расписать дворец, где уже были представлены работы Риверы. Я отказался, сославшись на то, что не хочу устраивать состязание с великими, что там маленькие стены, но попросил разрешения поработать в библиотеке. Это огромный зал. Президент удивился: "Чего он хочет?" — и потребовал показать фотографии интерьера. Когда он увидел снимки, то сразу сказал: "Я понимаю его. Хорошо, пусть делает". А я взял и сделал.

— Вы так просто сказали: "взял и сделал", а сколько длилась работа?

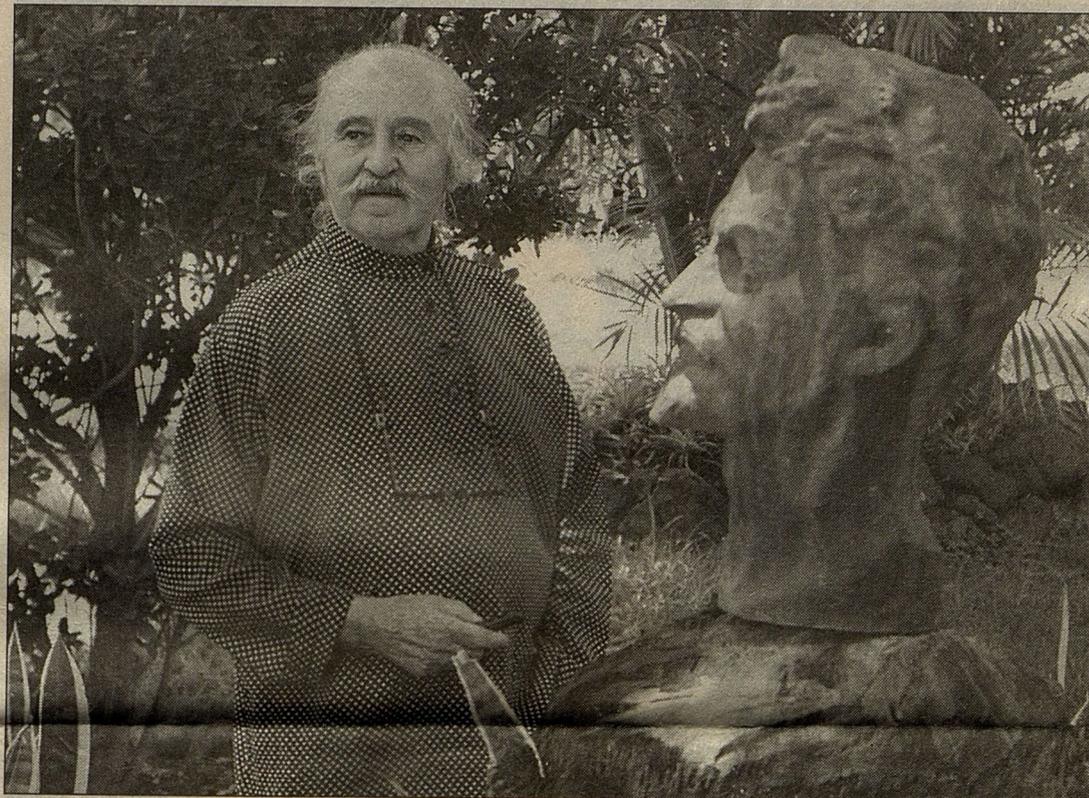
— Девять с половиной лет.

— Президент остался доволен?

— Его срок закончился, когда я еще был на половине пути. Он не показывался в библиотеке все эти годы, но пришел, когда я завершил работу. Подошел ко мне и сказал: "Маэстро, вы смогли выразить в этом зале все, что вы хотели. Это значит, что в Мексике есть демократия". Произнесено несколько декларативно, но искренне.

— Коль скоро мы заговорили о президентах, давайте на минуту перенесемся в Европу. Скажите, что свело вас с президентом Франции?

— Когда выбрали Франсуа Миттерана, мы приехали из Италии в Париж. Это был день выборов. Я был очень взволнован. Социалисты пришли к власти. Под таким впечатлением я нарисовал небольшую работу, такую картинку — аллегория на

В. Кибальчиц (Влади) с бюстом Троцкого во дворе своего дома

тему выборов, и послал ее новоиспеченному президенту домой. Послал и забыл. Но как выяснилось, Миттеран очень уважал труды моего отца. Он даже собирался писать литературоведческое исследование о Викторе Серже. В следующий наш приезд, узнав, что сын Сержа с женой находятся в Париже, он сразу же позвонил и пригласил нас с Исабель к себе. Миттеран восхищался отцом: "О Виктор Серж — какой сильный был человек!" Я показывал ему фотографии картин — у меня их было штук двадцать. Судя по эмоциональным оценкам, мои работы тоже не оставили президента равнодушным.

— Владимир Викторович, как раз в эти дни, разбирая ваш архив, я начал осознавать, сколь популярен Серж в мире. Его печатают и по сей день во многих странах такими тиражами...

— Романы отца выходили в Голландии, Германии, Польше, Швеции, Норвегии, Великобритании, Бразилии, Португалии, США, Японии. Конечно, в Мексике и, к сожалению, меньше всего в России. Сейчас готовятся издания в Марокко и, кажется, в Египте.

— В Оренбурге Виктор Серж написал два романа. Рукописи были изъяты, когда он покинул Советский Союз в 1936 году. Удалось ли их восстановить?

— Нет. Я говорил ему об этом, но это было просто невозможно. Восстановить два романа по памяти — это немислимо. Он начал писать другие. Вот сборник поэм, написанных в Оренбурге, он вспомнил и издал — это около 70 произведений.

— Кому принадлежала идея перевести работы Льва Троцкого на французский?

— Отец написал Льву Давыдовичу, передал ему приветы от товарищей из Оренбурга. Да они, собственно,

знали друг друга. Троцкий сразу же ему ответил. Когда Серж только начал работу, он послал несколько переведенных страниц автору "на пробу". Лев Давыдович страшно удивился: "Зачем? Великолепный перевод! Продолжайте!"

— А сам Троцкий какими языками владел?

— На немецком и французском писал и говорил. На испанском говорил плохо и мало.

— Мы как-то незаметно подошли к теме революционных лидеров. Вы много общались с предводителем сандинистов в Никарагуа Даниелем Ортегой. Вчера, отбирая свои офорты для Оренбурга, вы назвали одной из самых ценных работ сделанный с натуры портрет Фиделя Кастро. Каков "команданте" в жизни?

— Один римский историк создал биографию Калигулы. Он долго перечислял все хорошее, содеянное императором, а затем написал: "До сих пор я говорил о хорошем человеке. Сейчас я буду говорить о тиране". Так можно рассказывать и о Фиделе Кастро. Он пережил себя. За него держится кучка военных и полицейских бюрократов. Кастро — тиран и в то же время он пролетарский трибун. Кстати, сам Ленин считал себя таковым. Моя первая встреча с Кастро состоялась, когда я был в делегации нашего мексиканского президента. Мы говорили четырнадцать минут, и никто не осмелился вставить слово в наш разговор. Там были писатели, политики. Наверное, им было нечего сказать. Когда я спросил Кастро о культурной политике кубинского руководства, ответ был примерно такой: "Свобода творчества, но в революции". Я сказал, что такого не может быть. Мы поспорили. Сперва он как-то посмеивался, затем стал серьезен, положил мне руку на плечо

и начал убеждать: "Кубинская революция... американцы рядом... надо продолжать начатое..." — и дальше в том же духе. В разгар этого спора наш президент ушел.

— Президенту Мексики не понравились ваши суждения?

— Как раз наоборот: он был в восторге. Кстати, Кастро тоже остался доволен.

— Владимир Викторович, вы очень много колесили по миру. Уже будучи художником, объехали практически всю Европу. Скажите, в какой стране вам хотелось бы жить?

— Есть две страны, которые я ненавижу. Я ненавижу народы этих стран. Это Мексика и Россия. Но это единственные страны, в которых я могу жить. Потому что в остальных странах — чудный хлеб, великолепные люди, замечательные кафе, кондитерские и вино... Но жить в этих странах я не могу. В этих странах не продолжается наша история.

— Звучит довольно парадоксально: ненавидите, но живете?

— Меня раздражает рабство. Российские рабы, брошенные под сталинизм, — вот это я ненавижу и не принимаю.

— Надо так понимать, что к современной России это не относится?

— Почему же? Современными странами я тоже недоволен. У нас хватает глупости здесь, в Мексике, да и в России, я думаю, — тоже.

— Вопрос, который я сейчас вам задаю, вы слышали не одну сотню раз. И тем не менее: вы русский или мексиканец?

— Я не русский и не мексиканец. Я просто универсальный художник.

Беседу вел
Игорь ХРАМОВ

Кибальчиц Владимир
27.11.02